

УДК 81'36
ББК 81.2-2

Н.В. Малычева

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ КАК ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

Освещаются проблемы формирования сложного синтаксического целого как единицы синтаксиса.

Ключевые слова: *сложное синтаксическое целое, текст, сложно-сочиненное предложение, полифония, текстовая категория персональности, цитация, имплицитность.*

Малычева Наталья Владимировна — докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 275-30-63
E-mail: nmalycheva@rspu.edu.ru

Как известно, В.А. Белошапкина в качестве особой синтаксической единицы выделила сложное предложение, единицу полипредикативную и монокоммуникативную, обозначив тем самым границы синтаксиса, «пределом» которого являются структуры, выступающие в качестве одной коммуникативной единицы. Это положение определило «грамматический объем» учебного курса синтаксиса, завершающегося сложным предложением. Таким образом, сложное синтаксическое целое (далее — ССЦ) остается за пределами этого «грамматического объема».

Однако вопрос о сверхфразовых построениях для синтаксистов все еще остается открытым. Несмотря на то что представление текстообразовательного уровня синтаксиса в полном виде — дело будущего, одна из его составляющих очевидна. Это «полупризнанное» ССЦ, определить синтаксический статус которого достаточно сложно.

Традиционный подход и сила инерции сказываются на характере изложения научного материала о ССЦ в современных учебных пособиях и учебниках. Показателем того, что в современном русском языке сложное синтаксическое целое выступает как формирующаяся динамичная категория, является пестрота терминологии. Как синонимичные употребляются термины «фразовые единства», «фразовые ансамбли», «сложное синтаксическое целое», «составное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство» и др.

Признание сложного синтаксического целого языковой (синтаксической) единицей должно быть подкреплено обнаружением таких признаков языковой единицы, как ее исчислимость и воспроизводимость. Но как раз вокруг этих признаков ССЦ образуется своего рода «заговор молчания». Не случайно во многих работах этот вопрос лингвисты обходят стороной, хотя проблема ССЦ затрагивается.

Попытка рассмотреть некоторые сложные синтаксические целые в качестве синтаксической единицы была предпринята С.Г. Ильенко, которая считает, что в их составе могут находиться воспроизводимые структуры [Ильенко, с. 396]. С ее точки зрения, эта воспроизводимость связана, прежде всего, с инициальным компонентом ССЦ, в качестве которого могут выступать именительный и инфинитив темы, предложения тождества, а также вопросительные предложения. Названные синтаксические конструкции, маркируя всю структуру в целом, служат для осуществления функциональной сущности сложного синтаксического целого, связанной с его монотематичностью. Именно эти грамматикализованные ССЦ и следует считать сформированными синтаксическими единицами.

До настоящего времени исследователи сложного синтаксического целого опирались на текст, в котором функционирует ССЦ, его структуру, не принимая во внимание его глубинную семантику и модели фоновых знаний, которые могут быть типизированы. Думается, что попытка описать возможные структурно-семантические типы ССЦ, опираясь не на одну, а на две фактические данности, т.е. не только на текст, но на текст и модели фоновых знаний, с ним коррелирующие, является новой и интересной. Это возможно, потому что модели фоновых знаний и семантические модели образуют единую когнитивно-коммуникативную семантическую систему. Именно такой подход позволяет перейти от декларирования связи языка и мышления к интегрированному экспериментальному изучению диалектики конкретных форм их взаимодействия, что является одной из основных задач лингвистики.

Считаем, что основной единицей фоновых знаний для сложного синтаксического целого является событие. «Событие как когнитивно-семантическая структура формируется на базе однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки и представляет собой отражение в сознании и языке некоторого явления (обобщенной серии однородных явлений) в виде определенных содержательных единиц» [Шабес, с. 19]. Это отражение возможно как в виде сложносочиненного предложения, текста, так и в форме ССЦ, части которого могут быть, в частности, объединены сочинительными союзами. И, следовательно, анализ процессов смысловой координации и взаимопроницаемости предикативных частей, а также причин их отсутствия является важной задачей анализа сложносочиненного предложения как структурно-семантической единицы и ССЦ как единицы коммуникативного синтаксиса. Как известно, событие является

сложной многоуровневой, многомерной единицей фонового знания, причем континуальность события онтогенически обеспечивается непрерывностью отражаемого мира. ССЦ же представляет собой линейно упорядоченную совокупность предикативных единиц, отражающих это сложное событие.

Попытки типизации семантической организации ССЦ регулярно предпринимались Л.М. Лосевой, Г.А. Золотовой, М.Я. Дымарским, который и вводит понятие *интегральной семантической структуры ССЦ*.

Интегральная семантическая структура (далее – ИСС), по определению М.Я. Дымарского, – это субъективированное отображение на семантическом уровне структуры единой для данного сложного синтаксического целого сигнификативной ситуации, являющейся семантическим субстратом, на котором строится ССЦ [Дымарский, с. 115–117]. Ученый выделяет семь наиболее распространенных элементарных бинарных типов ИСС, которые вполне регулярно, хотя и с разной степенью отчетливости, воспроизводятся в текстах русской классики последней четверти XIX – первой половины XX в. Конечно, эти семь типов интегральной семантической структуры ССЦ не исчерпывают всех возможных комбинаций и вариантов. Более того, выстраивая инвариативную структуру сигнификативной ситуации, М.Я. Дымарский не принимает во внимание такой важный дифференциальный признак художественного текста, как его полифоничность, которая создается за счет наличия в нем контаминации разных субъектно-речевых планов автора текста, повествователя и персонажей. Следовательно, одно и то же событие может быть представлено в тексте с точки зрения различных интерпретаторов: 1) находящегося «внутри события» (персонаж, повествователь); 2) находящегося «вне события» (автор текста, повествователь). При этом каждый из них функционирует в своей собственной системе прагматических переменных «я – здесь – сейчас».

Именно этот дифференциальный признак художественного текста позволяет четко отграничить ССЦ от сложного предложения и текста и выявить некоторые его структурно-семантические типы, которые будут представлены далее.

Наряду с большой группой ССЦ с сочинительным союзом, аналогичных сложносочиненному предложению (далее – ССП), существует группа ССЦ с сочинительным союзом, неаналогичных ССП. Наличие этой группы объясняется тем, что отсутствие координации коммуникативных регистров (признак, общий для ССП и ССЦ), тем не менее, в тексте и в предложении осуществляется по-разному. Взаимопроницаемость предикативных частей на грамматическом и семантическом уровнях, обязательная для ССП, не является строго обязательной для поликоммуникативного единства, и поэтому некоторые ССЦ не синонимичны сложносочиненному предложению, хотя в таких структурах сочинительные союзы сохраняют свое значение, и имеют место

в своей основе те же семантико-синтаксические отношения, что и в ССП.

Ведущей категорией текста, определяющей селекцию языковых средств, является категория персональности. В сложносочиненном предложении «автором» всех его предикативных частей является одно и то же лицо, поэтому все речевые планы в ССП скоординированы по отношению к лицу говорящего. ССЦ представляет собой контаминацию субъектно-речевых планов автора и персонажа, лежащих в разных смысловых плоскостях и взаимно не проницаемых. На их пересечении образуются лишь поликоммуникативные единства — ССЦ.

Среди сложных синтаксических целых, неаналогичных сложносочиненному предложению, регулярно выделяются следующие типы: а) ССЦ с семантической оппозицией; б) ССЦ с цитацией; в) ССЦ с имплицитным смысловым звеном.

Компоненты ССЦ, в отличие от ССП, могут отражать различные аспекты одной сигнификативной ситуации, например, ментальный и предметный аспекты, представленные с точки зрения разных интерпретаторов и образующие семантическую оппозицию.

Ментальный аспект события предполагает фокусирование внимания внешнего интерпретатора на рациональной и эмоциональной деятельности всех одушевленных предметных компонентов (людей) в связи с данным событием. Предметный аспект представляет собой практическую деятельность, а также предметные условия этой деятельности (реальная действительность, внешняя среда, время, пространство и т.п.). Таким образом, ССЦ на семантическом уровне предполагает переход от описания субъективного эмоционального (психического) состояния персонажа к описанию состояния внешней среды (или наоборот), что объясняется разными смысловыми планами.

Внутренний мир человека, его мысли и эмоции, представляют собой особый мир, который другой человек воспринимает опосредованно, косвенным образом, через те сведения, которые ему сообщаются собеседником. Ментальный аспект события воспринимается только в пересказе, только со слов автора текста или персонажа. Например: *«Все было прибрано, чемоданы готовы. И опять стало немного грустно — жаль покидать привычную комнату и всю московскую зимнюю жизнь, и Надю, и Ли...»* (И.А. Бунин. Генрих); В ССЦ данного типа автор текста в одном предложении дает описание окружающего персонажей реального мира, в другом — описание эмоционального состояния или рациональной деятельности персонажа. Если бы в этот момент читатель находился рядом с автором текста, он предположительно точно так же, как и автор, воспринял бы предметный аспект ситуации — объекты реального мира (чемоданы). Работало бы зрительное, слуховое, чувственное, сенсорное восприятие действительности. Но ментальный аспект ситуации, передающий психическую, эмоциональную, внутреннюю жизнь другого человека, можно воспринимать только с его собственных письменных или устных слов. В ССЦ данного структурно-

семантического типа сочинительный союз сохраняет свою семантику, хотя объединяет предикативные единицы разных смысловых планов, отражающих ментальный и предметный аспекты события.

Следующим структурно-семантическим типом сложного синтаксического целого является ССЦ с отсутствием координации в пространственном отношении. Например: *«В мироздании незримо кружилась земля под густой паутиной дорог. А над головой у нее висело темное, вылинявшее от древности небо и, казалось, было залатано красными нитками»* (В. Максимов. Месяц светлой воды). Структурное сопоставление локальных детерминантов «в мироздании» и «над головой у нее», присутствующих в обоих компонентах ССЦ и занимающих инициальную позицию, усиливает значение сопоставления, но сложносочиненное предложение не образуется, так как имеет место семантическая оппозиция сразу в ряде аспектов.

Любое событие, как когнитивно-семантическое единство, представляет собой комплексную структуру, составной частью которой является локальный компонент. Одно и то же событие может быть представлено с позиций внешнего интерпретатора, не связанного с ним непосредственно и находящегося вне него, в любом пространстве, т.е. событие локализовано в некотором внешнем пространстве, которое может быть представлено сколь угодно большим объемом: комната, дом, улица, район, город, страна, планета, вселенная и т.п. — экзопространство (по терминологии В.Я. Шабеса); и может быть представлено с позиций внутреннего интерпретатора, который рассматривает пространство «изнутри» события, внутреннее пространство события — эндпространство.

В данном случае локальные детерминанты «в мироздании» и «над головой у нее» указывают на разную локальную характеристику события. Событие, описанное в 1-м компоненте ССЦ, оказывается в фокусе внимания интерпретатора «снаружи», оно локализовано в экзопространстве, а также имеет более крупный пространственный масштаб. Локальный детерминант 2-го компонента ССЦ «над головой у нее» указывает на уменьшение пространственного объема. Экзопространство детализируется через локализацию и ориентацию в нем компонентов события и трансформируется в эндпространство. При этой трансформации происходит переключение субъектно-речевых планов (1-й компонент — авторское повествование, 2-й — изображение факта с позиций персонажа). 2-й компонент ССЦ содержит описание события с позиций внутреннего интерпретатора, персонажа, так как слово «казалось» может относиться только к речевому плану персонажа. Возникающая полифония авторского повествования разрушает синтаксическое единство и образует поликоммуникативное единство.

Эту способность автора текста проникать во внутренний мир персонажа, описывать событие с его точки зрения отмечал еще М.М. Бахтин (1979). Но все-таки это не единственное условие построения ССЦ; нарушена также координация масштабов описанного события. Таким об-

разом, в данном случае условиями построения ССЦ являются разные субъектно-речевые планы и отсутствие координации пространственных масштабов события. Уменьшение объема экзопространства, вызывающее уменьшение пространственных масштабов события и трансформацию его в эндопространство приводит к образованию особого структурно-семантического типа ССЦ с сочинительным союзом.

Обычно в тексте цитируемое высказывание и цитирующее высказывание составляют последовательность, на основе которой образуется только коммуникативное (ССЦ), а не структурно-семантическое единство. Это объясняется тем, что содержание цитируемого высказывания, имеющего различных адресантов, по-разному соотносится с прагматическими переменными «я – здесь – сейчас», что исключает их взаимопроницаемость на грамматическом и синтаксическом уровнях, характерную для ССП. Автором всех предикативных частей ССП является одно и то же лицо, и все субъективно-речевые планы в сложном предложении скоординированы по отношению к лицу говорящего. Текст же представляет собой контаминацию субъектно-речевых планов автора, повествователя и персонажа, лежащих в разных смысловых плоскостях и взаимно не проницаемых, но которые способны образовать единство в коммуникативном плане (ССЦ) и не способны образовать структурно-семантической единицы (ССП).

В тексте, в отличие от ССП, могут быть представлены несколько «Я»-субъектов, наличие которых и пределах одного текста углубляет повествовательную перспективу, подчеркивает субъективность отдельных фрагментов действительности, определяет многоплановость описания, являющуюся важнейшим свойством письменной речи и включающую единый модально-временной и пространственный план. Предикативные единицы ССЦ, одна из которых представляет собой цитацию, по-разному соотносятся с прагматическими переменными «я – здесь – сейчас» и, следовательно, не являются взаимопроницаемыми на грамматическом и семантическом уровнях.

Существует целая система форм передачи чужой речи, а именно: прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Наиболее простым и очевидным способом проявления субъекта является прямая речь. Но следует отметить тот факт, «что область цитирования выходит далеко за пределы прямой и косвенной речи и в более или менее скрытом виде покрывает все пространство языка» [Серио, с. 49]. Поэтому можно считать, что к области цитирования относятся наряду с прямой, косвенной и несобственно-прямой речью, и описания воображаемых ситуаций – репродуктивное восприятие действительности в воспоминаниях или мечтах о будущем автора текста, повествователя или персонажей.

Художественный текст допускает соприкосновение описаний реальных и воображаемых ситуаций, т.е. возможно соприкосновение актуального и виртуального мыслительного процесса в содержании ССЦ. В силу полифонии художественного текста контактно расположенные

и связанные своим содержанием компоненты ССЦ представляют реальную действительность, отраженную разными сферами человеческого мышления — репродуктивной, информативно-логической, с одной стороны, и сферой образного метафорического мышления, репродуктивного восприятия действительности, отраженного в воспоминаниях или мечтах о будущем персонажа, — с другой. Воспоминания или мечты о будущем персонажа, воспринимаемые автором опосредованно, со слов персонажа, могут быть отнесены к области цитирования, так как внутренний мир других людей автор воспринимает опосредованно, косвенным образом, только с чьих-то слов, только через те сведения, которые сообщены ему из первых или вторых уст.

По природе своей памяти человек не может адекватно отразить реальную действительность в воспоминании, где неизбежно примысливается, фантазируется какая-то часть информации. Воспоминание существует только в нашем сознании, это воспроизведение образов нашего прошлого, локализованных во времени и пространстве. Для воспоминаний характерен особый временной план, описываемый с позиций ориентиров «я — здесь — сейчас» в отношении плана прошедшего времени. Поэтому обращение к прошлому в ходе повествования, отражающего события настоящего, воспоминание нарушает когнитивно-семантическую модель события, представляющую собой триединую экзоструктуру «Пресобытие — Эндособытие — Постсобытие», разворачивающуюся во времени» [Шабес, с. 57]. Такая последовательность событий в линейном времени соответствует реальной последовательности событий объективной действительности в реальном времени, и, на наш взгляд, является характерной для ССП, но в ССЦ эта структура может быть нарушена. Например: *«Теперь они (деревья. — Н.М.) шумят сухой листвою; ветер гонит облака пыли и качает их из стороны в сторону... А пять месяцев тому назад, в теплые апрельские дни, они кудрявились нежной, мелкой зеленью, голубое небо сияло между их вершинами, и я бродил под ними по мягкой, влажной земле, чему-то радуясь!»* (И. А. Бунин. Без роду-племени). Структура события «Пресобытие — Эндособытие — Постсобытие» здесь явно нарушена, но ее наличие в сознании реципиента позволяет трансформировать непоследовательный во временном плане текст в процессе речемыслительной деятельности в упорядоченную когнитивно-семантическую последовательность. Нескоординированность во временном аспекте, разная экспрессивно-эмоциональная окраска предикативных единиц, одна из которых выражает факт, виртуально существующий в сознании адресанта речи (в воспоминании), создают условия для образования лишь коммуникативного, а не структурно-семантического единства, несмотря на наличие сопоставительного союза «а» и собственно сопоставительных отношений, типичных для ССП. Сопоставление реального и воспроизводимого по памяти также выражено и темпоральными детерминантами «теперь — пять месяцев тому назад». Возможность присутствия «нескольких субъективных пространств в высказывании

одного и того же индивида» [Серио, с. 49] находит свое выражение в языке.

Своеобразным маркером смены субъективного пространства служит отсутствие таксисных отношений между компонентами ССЦ, представляющими актуальное и виртуальное, которые не могут обозначать одновременные или непосредственно следующие друг за другом события, так как располагаются они в разных мыслительных плоскостях — информативно-логической и образной, и, следовательно, образовать ССП, где налицо таксисные отношения, не могут. Например: *«Кончив молиться, он разделся и лег, и тот час же, как только стало темно кругом, представились ему его покойный отец, мать, родное село Лесополье... В Лесополье учителем был Матвей Николаич, из семинаристов, добрый, неглупый человек, но тоже пьяница; он никогда не бил учеников, но почему-то у него на стене всегда висел пучок березовых розог, а под ним надпись на латинском языке, совершенно бессмысленная, — *Betula kinderbalsamica secuta*. Была у него черная мохнатая собака, которую он называл так: Синтаксис. И преосвященный засмеялся»* (А.П. Чехов. «Архиерей»). В данном случае опущено имплицитное звено «это было смешно», с которым и соотносится по смыслу часть, присоединяемая союзом.

В составе ССЦ, часть семантики которых выражена имплицитно, можно выделить две группы: 1) ССЦ, которым соответствуют неоперациональные пресуппозиции — экстралингвистические и лингвистические знания коммуникантов; 2) ССЦ с невербализованным смыслом, основанным на операциональной (логической) пресуппозиции.

Рассмотрим группу ССЦ, которым соответствуют неоперациональные пресуппозиции. Понятие ситуации играет в современных лингвистических исследованиях важную роль, выступая, как своеобразная единица членения и описания реальной, окружающей нас действительности.

Субъект воспринимает реальную ситуацию, осмысливает ее, и после этого реальная ситуация получает словесное выражение. Сфера языка — это область семантического означивания, в которой означающее соотносится с совокупностями элементов системы языка, имеющих определенную внутрисистемную значимость и организованных в виде текстовой ситуации, которая является языковым выражением умственной ситуации.

Для передачи некоторого содержания необходимо учитывать «фоновые знания» предполагаемого адресата сообщения, его систему пресуппозиций, так как фоновые знания говорящего и слушающего различаются по своему характеру. Под пресуппозицией понимаются «фоновые знания говорящего и слушающего (пишущего и читающего, адресанта и адресата, отправителя и получателя речи), на основании которых в процессе порождения, выражения и восприятия смысла осуществляется экспликация имплицитного, подразумеваемого, предназначенного для сообщения содержания» [Лисоченко, с. 13]. При

переходе от умственной ситуации к тексту автор текста решает задачу о соотношении эксплицитно и имплицитно передаваемой информации, потому компоненты, представляющиеся коммуникатору малозначимыми (хотя и обязательно входящие как составная часть в ситуацию) или представляемые адресантом как легко восстанавливаемые из содержания эксплицитированных компонентов, могут быть свободно опущены в тексте. Эти имплицитные компоненты не мешают созданию текстового единства, так как имплицитное можно легко реконструировать, если оно включено в фоновые знания реципиента. Например: «... *Но так или иначе, только мать, вернувшаяся с кухни, застала его (Ваську. — Н.М.) уже крепко спящим. А в половине седьмого утра, подтянутый и бодрый, в наспех наброшенной фуфайке, Васька торопился на завод*» (В. Максимов. Месяц светлой воды). В данном случае имплицитно представлены пропозиции: Васька проснулся, встал, умылся, оделся и т.д. Подобные ССЦ строятся на основе макроправила «опущение», одного из правил семантического отображения, определенного в теории дискурса Т.А. ван Дейком, который считает, что «... при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиям интерпретации» [Дейк, с. 69]. Эллиптичность подобных ССЦ не мешает созданию текстового единства и употреблению в одном из компонентов сочинительного союза, связывающего данный компонент с элиминированными отношениями, что совершенно невозможно в сложном предложении. В ССЦ фактически отсутствует сочинение, а налицо лишь контактное соприкосновение эксплицитно оформленных предикативных частей, которое не создает условий для их взаимопроницаемости.

В качестве логической основы семантики ряда ССЦ с имплицитным звеном выступает категорический силлогизм, но автор речи строит умозаключение в естественном языке в форме силлогизма только в сокращенной форме. В естественном языке одно логическое звено всегда отсутствует. И, тем не менее, любая энтимема, выраженная формами естественного языка, всегда строится по правилам одного из модусов, так как логическая связь в энтимеме осуществляется в мозгу неосознанно, автоматически, вне языковой опоры, т.е. так, как будто элиминированное звено выражено вербально и присутствует в языке фактически. Это объясняется свойством человеческого мышления способностью сохранять опущенное суждение без языковой опоры, но зримо для реципиента, владеющего тем же естественным языком. «Умозаключение, выраженное в формах естественного языка, есть такая языковая форма логической формы, то есть такая “форма формы”, в которой остается лишь основной костяк, несущий в себе основу умозаключения» [Кривоносов, с. 69]. И именно эта «форма формы» ведет автоматически к осознанию, а значит — к неосознаваемому подразумеванию опущенного звена силлогизма. Например: «*В нудной очереди у магазина всегда есть один человек, словоохотливость которого тем больше, чем дальше он стоит от магазинных дверей. А дальше всех сто-*

ял Полесов» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Данное ССЦ содержат два элемента категорического силлогизма: большую посылку (1) и меньшую посылку (2). Здесь, в тексте, не выражен эксплицитно тот отрезок, которому соответствует заключение силлогизма. Он, тем не менее, не изымается из мысли, так как простой категорический силлогизм — это законченная мысль (три суждения), каждый член которой поддерживается двумя остальными и находится с ними в логической связи по определенным логическим правилам. Только на фоне других суждений можно восстановить третье. Заключение восстанавливается тогда, когда есть большая и меньшая посылки. Заключение: Полесов был словоохотливым (Говорил больше всех).

Сложное синтаксическое целое является строевой единицей текста, представляющей собой группу высказываний, объединенных вокруг единого смыслового центра. Главная идея, лежащая в основе организации ССЦ, — «содружество предложений», «несколько об одном», т.е. ряд высказываний, посвященных одной (микро-)теме.

ССЦ обладает тремя ведущими дифференциальными признаками, отграничивающими его от других единиц синтаксиса и проявляющимися в специфике его структуры и семантики:

- 1) представленность рядом высказываний, формально самостоятельных коммуникативных единиц, или поликоммуникативность;
- 2) подчиненность реализации одной микротеме, или монотематичность;
- 3) принадлежность компонентов ССЦ разным субъектно-речевым планам (автора, повествователя, персонажа), или полифоничность.

Таким образом, ССЦ — это поликоммуникативная единица, которая включает в себя самостоятельные высказывания, обладает структурной независимостью, относительной смысловой и структурной завершенностью и является компонентом текста, формирующим концептуально значимый смысл.

При этом предполагается возможность разной адресной прикрепленности входящих в ССЦ высказываний. ССЦ может быть как моно-, так и полифонично.

ССЦ может рассматриваться в качестве синтаксической единицы, потому что в его составе имеются воспроизводимые структуры, которые, маркируя всю структуру в целом, служат для осуществления функциональной сущности ССЦ, связанной с его однотематичностью. Именно эти грамматикализованные ССЦ и следует считать сформированными синтаксическими единицами. Иначе говоря, ССЦ в современном русском языке (точнее речи) выступает не как сформировавшаяся грамматикализованная единица, а как формирующаяся.

Литература

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт филологического анализа // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Дейк Т.А., ван. Язык. Позиции. Коммуникации. М., 1989.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) : 2-е изд. М., 2001.

Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте // Русистика: Избр. тр. СПб., 2003.

Кривоносов Г.А. Мышление без языка : экономия языковой материи – закон процесса мышления // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой. Ростов н/Д., 1992.

Серио П.В. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.